

«Сид» Деклана Доннеллана в Москве

МЕРТВЫЙ СИД — ХОРОШИЙ СИД

Независимая газета, — 1999, — 23 дек. — с. 7

Павел Руднев

В РОССИИ нет сегодня западного режиссера популярней Деклана Доннеллана. Идя на его очередной спектакль, мы твердо уверены в том, что увидим: оголенные стены, густой свет прожекторов и, кажется, никаких звуков, помимо актерских голосов. Актеры, одетые в какую-нибудь военную униформу, стремительно выйдут на сцену, соберутся в мизансцены, затем разойдутся в стороны, через несколько минут заговорят, в то время как незаговорившие замрут подле других, дискутирующих. И будут светски поглядывать друг на друга. Это стиль Деклана Доннеллана.

Здесь он достиг совершенства. Главным героем спектакля «Сид», который позавчера и вчера играли на сцене Российского молодежного театра, стал ритм — незаметный и четкий. Жестко звучащая, без смакования, но с изяществом французская речь; слова, которые для француза афористичны так же, как для русского текст «Горя от ума»; симультанные движения актеров по сцене, которая в каждый момент режиссером поделена на невидимые сегменты — там, где происходит действие; там, где готовится следующее действие; там, где находятся наблюдатели, и там, где, словно в поднебесье, вышагивает мертвец, отец Химены, с интересом разглядывая не принадлежащую ему жизнь.

Обычные для Доннеллана армейские костюмы неопределенного времени — с середины прошлого до 50-х годов этого века — вводят нас в кулуары военизированного правительства, где государственные заботы неотличимы от стратегических дел армии. Когда дону Родриго, будущему Сиду-победителю, настанет черед взростеть, стареющий и хилый отец на костылях передаст ему шпагу, принуждая отомстить за обиду. Этот чернокожий мальчишка (Уильям Надилам), сгорбившись и не привыкши к военной стойке, держит непривычную для своих рук шпагу чуть выше, чем это положено по уставу, — так начинается военная карьера, карьера убийцы, «ничтожного мстителя за отца обиды». Когда Сид повзрослеет и станет полководцем, шпагу заменят пистолетом.

Сохраняя классицистский конфликт чувства и долга в пьесе (Сид должен убить отца своей любимой), Доннеллан стремится доказать, что с каждым новым подвигом выбирать между честью и любовью становится все легче. Мужчина становится орудием для убийства, вечным должником перед силой обстоятельств.

Перед любой битвой воины облачают торс. Оставшиеся в живых надевают исподнее заново, а мертвому рубаха больше не понадобится. Бой красив: стройные обнаженные тела, замедленные движения, сталь сабель, тени на задней стенке подмостков, звонкие крики. Эта возвышенная ле-

Химена и Сид на военном положении.
Фото Philippe Delacroix

бединная пластика, изготовившаяся умереть плоть заставляют зрителя отнестись к «Сиду» с не свойственным пьесе и эпохе Пьера Корнеля пацифизмом. (Актеры, заметим, прошли через школу Арианы Мнушкин, левого французского режиссера. Гастроли были на грани срыва — часть труппы не захотела ехать в Россию в знак протеста против чеченской войны.)

Жалко мужчин! Старик и женщины болтают о долге, чести и

благородстве, но умирать уходят стройные и обаятельные самцы. Высшее благородство — в смерти, когда нет уж ни любви, ни чести, ни выбора.

Доннеллан интерпретирует пьесу в соответствии с собственными представлениями о «войне полов». Невесту Сиды Химену (Сарра Карабасникофф) разыгрывают, заставляя поверить в то, что Сид мертв. Только тогда она позволяет себе заговорить о своей любви. Живой Сид вызывает в

ней только монологи о чести. Пьеса в разработке Деклана Доннеллана — затянувшаяся подготовка к свадьбе, бесконечная история ухаживаний Сиды за неуступчивой Хименой, требующей кровавых подвигов. Ничем иным не проймешь эту женщину!

И вот Химена соглашается на брак с обессиленным, раненым, потерявшим страсть Сидом. Но, похоже, тот уже этого не хочет. Так пойми ж ее, мужскую породу!

23.12.99.

Деклан Доннеллан

«Сид» Деклана Доннеллана в Москве

Независимая газета. - 1999. - 23 дек. - с. 7

МЕРТВЫЙ СИД — ХОРОШИЙ СИД

Павел Руднев

В РОССИИ нет сегодня западного режиссера популярней Деклана Доннеллана. Идя на его очередной спектакль, мы твердо уверены в том, что увидим: оголенные стены, густой свет прожекторов и, кажется, никаких звуков, помимо актерских голосов. Актеры, одетые в какую-нибудь военную униформу, стремительно выйдут на сцену, соберутся в мизансцены, затем разойдутся в стороны, через несколько минут заговорят, в то время как незаговорившие замрут подле других, дискутирующих. И будут светски поглядывать друг на друга. Это стиль Деклана Доннеллана.

Здесь он достиг совершенства. Главным героем спектакля «Сид», который позавчера и вчера играли на сцене Российского молодежного театра, стал ритм — незаметный и четкий. Жестко звучащая, без смакования, но с изяществом французская речь; слова, которые для француза афористичны так же, как для русского текст «Горя от ума»; симультанные движения актеров по сцене, которая в каждый момент режиссером поделена на невидимые сегменты — там, где происходит действие; там, где готовится следующее действие; там, где находятся наблюдатели, и там, где, словно в поднебесье, вышагивает мертвец, отец Химены, с интересом разглядывая не принадлежащую ему жизнь.

Обычные для Доннеллана армейские костюмы неопределенного времени — с середины прошлого до 50-х годов этого века — вводят нас в кулуары военизированного правительства, где государственные заботы неотличимы от стратегических дел армии. Когда дону Родриго, будущему Сиду-победителю, настанет черед взростеть, стареющий и хилый отец на костылях передаст ему шпагу, принуждая отомстить за обиду. Этот чернокожий мальчишка (Уильям Надилам), сгорбившись и не привыкши к военной стойке, держит непривычную для своих рук шпагу чуть выше, чем это положено по уставу, — так начинается военная карьера, карьера убийцы, «ничтожного мстителя за отца обиды». Когда Сид повзрослеет и станет полковником, шпагу заменят пистолетом.

Сохраняя классицистский конфликт чувства и долга в пьесе (Сид должен убить отца своей любимой), Доннеллан стремится доказать, что с каждым новым подвигом выбирать между честью и любовью становится все легче. Мужчина становится орудием для убийства, вечным должником перед силой обстоятельств.

Перед любой битвой воины обнажают торс. Оставшиеся в живых надевают исподнее заново, а мертвому рубаха больше не понадобится. Бой красив: стройные обнаженные тела, замедленные движения, сталь сабель, тени на задней стенке подмостков, звонкие крики. Эта возвышенная ле-

Химена и Сид на военном положении.
Фото Philippe Delacroix

бедина пластика, изготовившаяся умереть плоть заставляют зрителя отнестись к «Сиду» с не свойственным пьесе и эпохе Пьера Корнеля пафизмом. (Актеры, заметим, прошли через школу Арианы Мнушкин, левого французского режиссера. Гастроли были на грани срыва — часть труппы не захотела ехать в Россию в знак протеста против чеченской войны.)

Жалко мужчин! Старики и женщины болтают о долге, чести и

благородстве, но умирать уходят стройные и обаятельные самцы. Высшее благородство — в смерти, когда нет уж ни любви, ни чести, ни выбора.

Доннеллан интерпретирует пьесу в соответствии с собственными представлениями о «войне полов». Невесту Сиды Химену (Сарра Карабасникофф) разыгрывают, заставляя поверить в то, что Сид мертв. Только тогда она позволяет себе заговорить о своей любви. Живой Сид вызывает в

ней только монологи о чести. Пьеса в разработке Деклана Доннеллана — затянувшаяся подготовка к свадьбе, бесконечная история ухаживаний Сиды за неуступчивой Хименой, требующей кровавых подвигов. Ничем иным не проймешь эту женщину!

И вот Химена соглашается на брак с обессиленным, раненым, потерявшим страсть Сидом. Но, похоже, тот уже этого не хочет. Так пойми же ее, мужскую породу!